

занию, какое положение придаточного занимает при глаголе главного предложения (в приведенных примерах, очевидно, — положение придаточного подлежащего и придаточного дополнительного). Это *то* автор считает «словесной формой в исполнозначной позиции» (иначе — служебным словом). Но ведь свойство всякого местоимения — только указывать на предмет или на признак. В одних случаях местоимения *тот, та, то* могут иметь более обобщенный, в других менее обобщенный характер; будучи субстантивированы, они могут указывать как на неодушевленные предметы, так и на одушевленные (это относится главным образом к формам мужского и женского рода и к форме мн. числа, хотя одушевленность возможна и при среднем роде, например: *То, что меня укусило, оказалось обыкновенным комаром*). Тот факт, что *то*, которое автор считает коррелятом, может опускаться, сам по себе еще ничего не доказывает: во-первых, это возможно далеко не во всех случаях (о чем и говорится на стр. 115); во-вторых, при известных условиях возможно опущение указательных местоимений *тот, та, то*, которые автор не считает коррелятами (ср.: *Кто все знал, ушел; Кому не нравится, может уходить; Уходит, кому не нравится*). Таким образом, учение о коррелятах в том виде, как оно трактуется автором, лишено серьезного основания.

Учение о «вводных выражениях» по существу ничем не отличается от традиционного положения, что вводные слова не являются членами предложения, а вводные предложения — составными частями сложных предложений. То же можно сказать и о четырех функциях вводных слов и предложений, устанавливаемых автором; эти функции полностью совпадают с теми, на которые указывает Пешковский (они приведены на стр. 119), с одной лишь чисто внешней разницей: у Пешковского две функции объединены общей формулировкой.

5. Следующие главы — шестая и седьмая — посвящены двум темам: типам простых предложений и некоторым особым конструкциям, входящим в состав простого предложения. Терминология автора, как и в других главах, более сложная: «Позиционные модели простого предложения по составу позиций» (гл. VI) и «Позиции особых конструкций в позиционной структуре предложения» (гл. VII). В первой из этих глав находим следующие типы предложений: распространённые и нераспространённые, слитные и неслитные. Указанные классификации основаны на рассмотрении приводимых примеров и целиком совпадают с соответствующими традиционными классификациями. В следующей главе рассматриваются сравнительные, инфинитивные, причастные и дееспричастные конструкции. И здесь также не находим ничего нового. Содержание указанных двух глав вызывает лишь отдельные, замечания не принципиального характера.

Можно было бы привести еще множество спорных мест, неверных утверждений

не только в последних главах, но и во всей книге. Но после того, что уже сказано, в этом нет надобности. Хотя не принято упрекать авторов за то, чего нет в их работах, но в данном случае нельзя не отметить, что автор обошел такие важные для синтаксиса понятия, как коммуникативная, предикативность, модальность, обособление, что совершенно отсутствует анализ сложных предложений. Как уже указывалось по поводу отдельных мест, книга написана чрезвычайно трудным языком. В ней очень много повторов, некоторые положения повторяются без всякой в том надобности по три, четыре и более раз (например, об элементарной синтаксической единице, о «потребностях» разных частей речи и др.).

Несмотря на то, что книга выпущена солидным издательством, она представляет собой печальный образец редакционно-издательской небрежности: перепутаны названия и нумерация глав; заголовки внутри глав не соответствуют содержанию текста; не устранены многочисленные опечатки.

Самым существенным недостатком книги является, однако, то, что в ней не решена поставленная автором задача — на основе критического рассмотрения традиционного синтаксиса изложить основы синтаксической теории применительно к синтаксису современного русского языка в соответствии с принципами философского материализма. За обновленной (и, надо сказать, малоудачной) терминологией мы без особого труда находим все тот же традиционный синтаксис с его принципиальной непоследовательностью, смешением понятий грамматических и логических, неразличением явлений синхронии и диахронии, отсутствием объективных критериев при квалификация языковых фактов и другими хорошо известными его слабыми сторонами.

А. Б. Шапиро

Сб. «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. 1. — Алма-Ата, Изд-во АН Казах. ССР, 1958. 245 стр. (Ин-т языка и лит-ры АН Казах. ССР).

История и диалектология казахского языка до сих пор остаются недостаточно изученными. В известной степени этот пробел восполняется недавно вышедшим из печати сборником статей «Вопросы истории и диалектологии казахского языка».

Разработке вопросов истории казахского языка посвящено четыре статьи. Ряд интересных наблюдений над фактами родного языка находим в небольшой статье ныне покойного С. А. Маманжолова, много сделавшего в области истории и диалектологии казахского языка¹. Исследуя вопрос о происхождении глаголов *отыр* и *тұр*, автор проследживает употребление того и другого глаголов (равно как и их фонетических моду-

¹ См., в частности: С. А. Маманжолов, Вопросы диалектологии и истории казахского языка, ч. 1. Алма-Ата, 1959.

ляций) в памятниках древнетюркской письменности, а также в современных тюркских языках. В результате своих наблюдений С. А. Аманжолов приходит к заключению, что исторически *олур*, *отыр*, *оттур* восходят к *олтур*/*олдур*, а глагол *тур* — к *туры*/*турым* (ср. в современном казахском *жазынұры*, *жазынұрым*).

Однако в статье имеются и отдельные моменты, которые, на наш взгляд, требуют некоторого уточнения. Это относится прежде всего к толкованию слов *аларман*, *шабарман*, которые привлекаются к рассмотрению глагола *тур* и окончание которых *-ман* рассматривается как фонетическая разновидность аффикса *сказуемости*.

Анализу падежных форм в куманском при сопоставлении их с соответствующими формами современного казахского языка посвящены две статьи А. К. Курьянова «Парадигмы склонения в языке письменного памятника XIII—XIV вв. „Codex Cumanicus“ и «Значение пространственных падежей в „Codex Cumanicus“». Обращение автора к фактам памятника «Codex Cumanicus» помогает в известной мере осветить также историю развития парадигм склонения и, в частности, пространственных падежей в современном казахском языке: интересны, например, наблюдения над функционированием исходного падежа в куманском, где он способен выступать и как род. падеж.

К этой части сборника примыкает также статья Ц. Д. Номинханова «Термины родства в тюрко-монгольских языках». Основываясь на большом числе фактов, свидетельствующих, по словам автора, о том, что «термины родства в тюркских и монгольских языках в основном едины и совпадают как по значению, так и по звучанию с некоторыми фонетическими отклонениями», Ц. Д. Номинханов вслед за другими учеными высказывает предположение «о возможности существования в прошлом единого тюрко-монгольского языка» (стр. 47). При наличии большого количества языковых фактов в статье отсутствует подробный их лингвистический анализ.

Значительное место в рецензируемом коллективном труде уделено изучению диалектных особенностей казахского языка, а также использованию диалектизмов в художественной литературе. Состояние диалектологической работы, ведущейся в республике за последние 15—20 лет, отражено в статье Н. Т. Сауранбаева и Ш. Ш. Сарыбаева «К изучению казахских диалектов», которой открывается сборник. Остановившись на наиболее характерных лексических, фонетических и грамматических особенностях казахских диалектов, авторы намечают дальнейшие пути развития казахской диалектологии, в частности, считая, что изучение диалектов Казахстана «следует вести не фронтальным методом, а методом зонального изучения» (стр. 16).

Участию диалектизмов в казахском языке посвящены статьи Ж. Доскараева «Методы, приемы собирания и

изучения диалектных особенностей казахского языка» и «О работе одной диалектологической экспедиции», Ш. Ш. Сарыбаева «Диалектизмы в произведениях Г. Славова» и Ж. Болотова «Из материалов Уаун-Агачской экспедиции».

Авторы этих статей дают много свежих и ценных материалов, проливающих в известной степени свет на историю развития казахского литературного языка (в частности, интерес представляет употребление дательно-направительного падежа в функции исходного в говорах Южно-Казахстанской обл. а также употребление в диалектах словосочетаний *керегуі мүмкін* вместо лит. *керек болуым мүмкін* «возможно, будет нужным», *байпас болу* вместо лит. *сак болу* «быть осторожным»).

Однако наряду с тонкими наблюдениями в освещении диалектных особенностей имеется ряд неточностей. Это в первую очередь выражается в том, что диалектологи, составители настоящего сборника, не всегда четко разграничивают диалектные особенности, с одной стороны, и элементы просторечия и даже слова литературного языка — с другой. К диалектизмам отнесены такие разговорные формы, как, например, на стр. 165 и 189, 190: *кесе* (лит. *келсе*), *кесен* (лит. *келген*), *барам* (лит. *барамын*), *баратыр* (лит. *барожатыр*) и т. п. В качестве диалектизмов рассматриваются также *тума* «родник, ручей» (стр. 50), *синадары* «статный, стройный человек» (стр. 52), *тарту* «возить» (стр. 166), *аманат* «наказ» (стр. 193) и т. п., в то время как их синонимами (*булак*, *сымбатты адам*, *тасу*, *талап*) отнесены к литературному языку. Нам кажется, что и те и другие перечисленные выше слова в современном казахском языке почти в равной мере литературны. В сборнике к диалектизмам отнесены также и такие слова, которые употреблены в переносном (образном) значении, а также образные выражения (например, на стр. 56 *ымыртыл сұңғы* «скрыться в сумраке», на стр. 175 *қызыл түмсыл* «почти созревшее зерно» и т. д.). И наоборот, явный, на наш взгляд, диалектизм *ептейсіз* (ср. лит. *enčia*) причислен к литературному языку (стр. 52). Все это свидетельствует об отсутствии у диалектологов республики единых критериев для определения специфики диалектизмов.

Освещение диалектных особенностей — дело сложное и ответственное. Успех работы диалектолога во многих случаях зависит от степени знания богатств и тонкостей родного языка — как литературного, так и говоров. В противном случае в процессе собирания диалектных особенностей могут быть допущены отдельные промахи и неточности.

Более трети сборника посвящено вопросам профессиональной лексики современного казахского языка. Эта часть сборника представлена очень содержательной и богатой языковым материалом статьей Ж. Доскараева «Материалы профессиональной лексики в языке аральских и каспийских рыбаков». Подробно разби-

рая в статье вопросы, связанные с профессиональной лексикой, автор намечает пути развития этой лексики в языке аральских и каспийских рыбаков; при этом он отмечает, что в обогащении ее известную роль сыграло наличие у приаральских и прикаспийских казахов в разное время контактов с туркменами, татарами, каракалпаками и башкирами. Самый большой раздел статьи посвящается описанию различных названий, связанных с рыболовством, где почти каждое название автор рассматривает с привлечением фактов из других тюркских языков.

Необходимо отметить, что, приводя большое количество действительно профес-

сиональных слов, автор к ним же относит целый ряд диалектизмов, например: *жағу* (лит. *жағындау*) «приближаться», *жанығу* (лит. *жанасу, тағу, асығу*) «торопиться, спешить», *лайыту* (лит. *лайлау*) «мутить», *онаттау* (лит. *оңдау*) «ремонттировать», *шаулау* (лит. *тавалау*) «очистить» и др.

Несмотря на отдельные недостатки, рецензируемый сборник является первым серьезным шагом в разработке вопросов истории и диалектологии казахского языка и содержит много ценных фактов по истории, диалектологии и профессиональной лексике казахского языка.

И. И. Жантеев, М. Т. Томаев

ПОЛЬСКОЕ ИЗДАНИЕ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ¹

Открытые за последние годы новгородские грамоты на бересте привлекли к себе внимание многих исследователей как в СССР, так и за рубежом. Особенно много работ, посвященных изучению вновь открытых берестяных грамот, появилось за последние 5—6 лет в Польше. Нужно назвать статьи Т. Лера-Сплавинского, А. Поппе, И. Ригера и в особенности целый ряд исследований познанского слависта, видного палеографа и диалектолога проф. В. Курашкевича, перу которого принадлежит и разбираемая книга².

Книга состоит из двух частей: выпуск первый — языковая обработка; выпуск второй — фотографии и прописи грамот, выполненные тщательно и представленные в издании весьма отчетливо.

В своей работе В. Курашкевич дает тексты 89 грамот; сюда входят все грамоты, открытые в 1951 и в 1952 гг., а также 6 грамот из раскопанных в 1953 г.: №№ 92, 94, 97, 98, 105, 106. В. Курашкевич опирается на первые научные издания, выполненные в 1953 г. А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым³, в 1954 г. А. В. Арциховским⁴, на появившийся в 1955 г. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот»⁵, на все статьи и рецензии по вопросу ин-

терпретации этих памятников, опубликованные на русском, польском и английском языках до 1955 г. включительно. Последние 6 грамот издавал В. Курашкевич еще до появления в свет полного научного их издания в Советском Союзе, которое вышло из печати лишь во второй половине 1958 г.⁶

При языковой интерпретации текстов автор часто расходится со своими научными предшественниками, критически оценивает их высказывания и предлагает собственные толкования. К сожалению, В. Курашкевич, в отличие от аналогичных советских изданий, ограничивается таким комментарием и не приводит полного перевода грамот на современный польский язык даже в тех случаях, когда это безусловно возможно.

Прочтение и интерпретация грамоты № 3 (Исписьмо от Гришки к Есифу) не вызывают затруднений. Одно замечание может быть сделано по поводу употребления в данном контексте слова *персара*. В. Курашкевичем приведено только одно значение этого слова из трех, отмеченных в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского: «чап для варки меда и пива, как мера»⁷. Н. Б. Бахилина склоняется к значению «лапник», засвидетельствованному в «Материалах для терминологического словаря древней России» Г. Ромина⁸. Между тем к разбираемому месту грамоты, как кажется, наиболее подходит третье из отмеченных у Срезневского значений: «пошлина за варку пива и меда». По-видимому, это было название феодаль-

¹ См. W. Ku r a s z k i e w i c z, *Gramoty nowogrodskie na brzożowej korze*, Warszawa, 1957.

² Библиографию важнейших польских работ по новгородским берестяным грамотам см. в нашей статье «Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка», «Вестник ЛГУ», 1958, № 2, стр. 97 (далее принимается обозначение М). В дополнение к поименованным в статье трудам следует назвать еще: W. Ku r a s z k i e w i c z, *Polska lekcja najstarszego listu ruskiego od Gostiaty do Wasyla*, «Język polski», XXXVI, 3, 1956, а также написанную им рецензию на коллективный труд советских ученых «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» (ВЯ, 1957, № 2).

³ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.)*, М., 1953 (далее сокращенно АТ).

⁴ А. В. Арциховский, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.)*, М., 1954 (далее сокращенно А).

⁵ «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» М., 1955 (далее сокращенно ПЛ).

⁶ А. В. Арциховский и В. И. Горюновский, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.)*, М., 1958 (далее сокращенно АБ).

⁷ И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. II, СПб., 1885, стр. 897.

⁸ ПЛ, стр. 175—176.